

Тан Юэ почувствовал, будто ему приснился очень длинный сон.

Во сне он вдруг перестал быть злым второстепенным персонажем и стал главным героем — да ещё и посмел отнять у протагониста его возлюбленного.

Хотя, пожалуй, «отнять» — не совсем верное слово: ведь у Сичао-гэ уже был парень.

И капитан оказался вовсе не таким холодным, каким Тан Юэ его себе представлял. Напротив — он оказался плаксой, и даже глаза покраснели от объятий Тан Юэ.

Сон вышел слишком нелепым.

Но объятия были такими тёплыми, а аромат чёрного дерева настолько глубоко проник в него, что Тан Юэ невольно прижался ближе к источнику тепла.

Неужели мой Сяомье уже вырос? Почему рука, глядящая меня по голове, стала такой большой?

Станет ли Сяомье, повзрослев, больше похож на Цзян Шулюя?

Это было бы неплохо. Всё лучше, чем быть похожим на меня — меня ведь постоянно называют глупышом.

Капитан же с детства был умницей. Говорят, он трижды перескакивал через классы и собрал кучу наград.

А я... Я вообще не проходил высшего образования в межзвёздной академии. Хорошо ещё, что в бойз-бэнд принимают без экзаменов — иначе бы я точно не попал.

А если меня раскроют? Если поймут, что я — не тот самый Тан Юэ из этого мира?

Неужели небеса тоже хотят, чтобы я исполнил своё желание? Поэтому анализ с Лян Ием и показал родство...

Может, я и оригинальный Тан Юэ — изначально были зеркальными отражениями друг друга?

И всё-таки... ждёт ли меня в конце тот самый неизбежный, трагический финал?

Тан Юэ боялся боли. Он до сих пор помнил, как планета столкнулась со звездой, как метеориты падали с неба, как в момент перехода между мирами его сбила машина — и то чувство невесомости, будто его разорвало на части.

Это было ужасно.

Роды Сяомье прошли под наркозом, но после операции швы болели ужасно.

Даже сейчас, в дождливые дни, в том месте всё ещё ощущается тупая, еле уловимая боль.

Подожди-ка... Неужели Сяомье мог за одну ночь так вырасти?!

Тан Юэ резко открыл глаза и понял: он действительно держит не уголок рубашки своего пятилетнего сына, а край пижамы взрослого мужчины.

Знакомый запах.

Он не смел поднять глаза — кто ещё мог подарить ему это странное, одновременно знакомое и чужое ощущение?

Что вообще произошло вчера?

Я просто уснул?

После ужина вернулись в дом, выпил бокал вина, которое подал второй брат...

На вкус было приятно, только немного жгло.

Жгло — и оттого закружилась голова.

Тан Юэ закрыл глаза. Внутри всё сжалось от отчаяния: он отлично помнил, как в день своего совершеннолетия напился до беспамьятства.

Проспал до самого полудня следующего дня — и проснулся лишь потому, что его разбудил Цзян Шулюй.

Он даже боялся спрашивать, что ещё натворил в тот раз.

Потому что видел брюки Цзян Шулюя, развешенные снаружи для просушки, и Яо Лисиня, прислонившегося к дверному косяку с хитрой ухмылкой.

— Сяо Юэ, ты в пьяном виде просто ужасен! — весело заявил тот. — Рвал так, будто беременная!

Тан Юэ посмотрел на Цзян Шулюя и уже собрался извиниться, но тот лишь проверил, не горит ли у него лоб, и протянул стакан воды.

За дверью нетерпеливо мерцала тень менеджера — её каблуки стучали по полу, подгоняя их всех.

— Хотя ты во сне ещё и болтаешь всякую чушь, — продолжал Яо Лисинь. — Представляешь, назвал меня «сестрёнкой»! Это уже перебор!

Яо Лисинь говорил без тормозов, и Тан Юэ оторопел.

Он испугался, что проболтался о чём-то лишнем, и поспешно извинился. Яо Лисинь лишь подмигнул:

— Да ладно тебе! Только что стал взрослым, а уже мечтаешь стать папой? Вот уж не ожидал!

От этих слов Тан Юэ несколько дней ходил в тревоге, пока не убедился, что Яо Лисинь просто подумал: мол, Тан Юэ торопится жениться на какой-нибудь красивой девушке.

С тех пор Тан Юэ строго себя ограничивал — даже если очень хотелось, пил только игристую воду.

За эти пять лет Лян Ий каждый раз привозил ему в подарок вино, и Тан Юэ решил, что уже «натренировал» свою стойкость. Но местное деревенское домашнее вино оказалось куда крепче, чем он ожидал.

Сейчас Тан Юэ осторожно оглядел комнату в поисках камеры — не зная ни времени, ни включена ли трансляция.

Он искал свой телефон, но рядом с подушкой его не было. Пришлось вытянуть шею — и он увидел, что телефон лежит на тумбочке со стороны Цзян Шулюя.

За окном едва начинало светать, но плотные шторы задерживали рассеянный утренний свет.

В комнате горел лишь ночник, но и его мягкого сияния хватило, чтобы Тан Юэ разглядел черты спящего Цзян Шулюя.

Почему, проснувшись, он всё ещё чувствует себя так, будто во сне?

Он уже и забыл, когда в последний раз внимательно смотрел на Цзян Шулюя.

*

Было это в годы группы — точную дату Тан Юэ не помнил. Из-за задержки мероприятия их всех посадили в гримёрку.

На мероприятии было много звёзд: Лю Сичао отправился навестить старших коллег, Яо Лисинь завёл беседу с участниками соседнего бойз-бэнда.

Цзян Шулюй остался — простудился и плохо себя чувствовал. Он сидел на диване, закрыв глаза.

Тан Юэ расположился на соседнем диване и читал роман.

Это была вовсе не та самая история про «бегство с ребёнком», над которой смеялся Лю Сичао. Просто перед этим его гримировала ассистентка, которая рекомендовала ему «роман о болезненной юности» — «Он ярче падающей звезды».

Автор описывал главного героя как совершенство во всём: необычайно красивого, харизматичного, дерзкого. Тан Юэ никак не мог представить себе такого человека.

Краем глаза он заметил Цзян Шулюя, слушающего музыку с закрытыми глазами, — и вдруг понял: вот он, настоящий главный герой.

Ведь Шулюй-гэ и есть главный герой.

Идеальный наследник богатейшего рода, обаятельный, всесторонне развитый — и при этом гораздо нежнее и заботливее, чем этот надменный «босс» из романа.

Что до обязательного для таких героев «преимущества»... об этом Тан Юэ не знал.

Ему было неловко смотреть дальше.

К тому же Цзян Шулюй был довольно консервативен — особенно по сравнению с другими.

Когда они вместе ездили на мероприятия и ночевали в одном номере, Яо Лисинь, будучи самолюбивым, с удовольствием демонстрировал фанатам свои мышцы — то живот, то длинные ноги. Менеджер даже делал ему замечания: «Не переборщи, не надо быть таким масляным!»

Цзян Шулюй был полной противоположностью: всегда одевался с запасом. Даже летом в повседневной одежде предпочитал надевать лишний слой и категорически не любил открывать тело.

Фанатки даже жаловались: «Капитан, конечно, целомудрен — но иногда можно и расслабиться!»

И в частной жизни Цзян Шулюй никогда не ходил без рубашки. А вот Тан Юэ, напротив, любил расхаживать по комнате в одних трусах.

Однажды Цзян Шулюй постучал, чтобы позвать его на ужин, но ответа не последовало. Он толкнул дверь — и обомлел. Быстро захлопнул её обратно.

В тот же миг снаружи донёсся насмешливый голос Яо Лисиня: «Тан Юэ, тебя что, голышом испугало?»

Тан Юэ покраснел до корней волос. С тех пор он строго следил, чтобы дома быть всегда в длинных штанах — ходить только в трусах было, похоже, не очень прилично.

Стилисты знали привычки Цзян Шулюя, поэтому сценические образы для него никогда не делали слишком откровенными.

Образы с минимумом ткани доставались Яо Лисиню — шутили, что весь «лишний материал» перекочевал на костюмы Цзян Шулюя.

В той пустой гримёрке взгляд Тан Юэ медленно скользил от манжет Цзян Шулюя к воротнику, от подбородка к губам, по высокому носу, по идеальной форме век — даже закрытых.

Он действительно красив.

Красив с закрытыми глазами, красив, когда моргает, красив в улыбке — и даже без неё.

Тан Юэ совсем забыл, что читает роман с сценой «принудительной любви от босса», и просто заворожённо смотрел на Цзян Шулюя — почти в трансе.

Этот взгляд потом преследовал его пять долгих лет, мешая спать в тихие ночи.

*

Теперь, в полумраке раннего утра, Тан Юэ несколько минут смотрел на Цзян Шулюя, а затем осторожно выбрался из его объятий, пытаясь перелезть через него, чтобы достать телефон с тумбочки.

Но он боялся, что камера уже включена, поэтому натянул тонкое одеяло повыше, пряча лицо.

Перелезть через Цзян Шулюя было непросто. Тан Юэ изо всех сил тянулся вперёд, но так и не дотянулся до телефона.

Он даже не заметил, что человек под ним уже давно проснулся.

Цзян Шулюй проснулся именно от того, что Тан Юэ на него смотрел.

Они никогда раньше не спали в одной постели, и Цзян Шулюй понятия не имел, что Тан Юэ — ужасный спутник для сна: ворочается, хватается за мочки ушей и вообще ведёт себя как сумасшедший.

Цзян Шулюй, никогда не знавший, что такое «спать рядом с кем-то», вообще не мог уснуть.

Лишь под утро, еле-еле, задремал — и тут же Тан Юэ пнул его ногой.

А потом, вместо извинений, обнял его и начал бормотать: «Сяомье... как ты вырос... Папа теперь не может тебя обнять...»

Цзян Шулюй вдруг осознал: он совершенно не знает Тан Юэ.

Этот парень вовсе не такой послушный, каким кажется. Всё — притворство.

Например, вежливо говорит: «Капитан, я больше не буду пить газировку», а ночью тайком встаёт и пьёт до боли в животе.

Ещё до того, как Тан Юэ проснулся, Цзян Шулюй уже начал приходить в себя. Когда же тот открыл глаза и уставился на него, Цзян Шулюй долго сдерживался, чтобы не открыть глаза в ответ.

Тан Юэ приблизился слишком близко — его дыхание почти касалось лица Цзян Шулюя. Такая близость была для него почти непереносимой.

За всю жизнь у него не было никого, с кем бы он был так близок.

Другие подростки в его возрасте влюблялись, целовались на школьной крыше, ездили на свидания в роскошных машинах.

А его юность прошла в одиночестве — выполняя жёсткие требования семьи Цзян, участвуя в соревнованиях, которые давно перестали быть ему интересны.

Он не завидовал — просто чувствовал, что в нём чего-то не хватает.

Но не знал, чего именно — и где это найти.

Именно в эту изнурительную ночь, когда Тан Юэ снова сжал его мочку уха, Цзян Шулюй с досадой посмотрел на него.

Юноша вырос во взрослого мужчину, но даже во сне выглядел несчастным.

В глазах Тан Юэ всегда была грусть — будто никто не помогал ему, и он проглатывал всё внутрь. Он даже не осознавал, что каждый его взгляд — это тихий зов о помощи.

Он хотел, чтобы его обняли, прижали к себе, вошли в его внутренний мир.

Теперь Тан Юэ пытался встать с кровати и перелезть через Цзян Шулюя, чтобы достать телефон.

Но старая деревянная кровать скрипела при каждом движении — казалось, будто от любого шороха рухнет весь дом.

Тан Юэ дрожал от страха. Он поставил ногу на край кровати, но простыня оказалась слишком скользкой. В спешке дотянуться до телефона он потерял равновесие и начал падать.

Одеяло накрыло его с головой. Он чуть не вскрикнул, ожидая удара о пол.

Но чья-то рука обхватила его за талию и резко перевернула. Белое одеяло мягко опустилось на голову Тан Юэ — будто свадебная фата.

Он оказался лицом к лицу с парой усталых, но добрых глаз.

В тот же миг раздался лёгкий щелчок — камера в комнате автоматически включилась.

Многие зрители, поставившие будильники, чтобы не пропустить утреннюю трансляцию, с восторгом ворвались в эфир.

На экране — два окна с разными комнатами, но все инстинктивно смотрели на ту, где Тан Юэ и Цзян Шулюй лежали, глядя друг на друга.

«Неужели они всю ночь пролежали в этой позе?!»

«Мне явно нужно было залезть под кровать...»

«Я чуть не подумал, что Тан Юэ в свадебной фате... Наверное, я ещё не проснулся.»

«Этот свет — просто волшебство! Кажется, будто добавили зернистость... Они что, целуются??»

«Я реально попал в фанфик по Away? Как иначе объяснить, что самые незнакомые друг другу Цзян Шулюй и Тан Юэ лежат так близко?!»

«Настаиваю: нужна камера над изголовьем!»

Тан Юэ чуть не умер от стыда. Он не смел посмотреть на Цзян Шулюя — но в этот момент, будто по инерции, сорвался с языка вопрос, который он только что задавал себе в мыслях:

— Капитан... а что у тебя с губами?

Он говорил шёпотом, стараясь ещё глубже зарыться в одеяло, но совершенно забыл, что лежит поверх Цзян Шулюя — а утренняя реакция его тела была совершенно очевидна.

Тан Юэ попытался пошевелиться, но лицо его горело так, будто вот-вот вспыхнет. В голове внезапно пронеслись строчки из того самого романа:

— «Тело Цзян Шулюя идеально... особенно в ****этом**** месте...»

Нет! Только не сейчас такие мысли!

Цзян Шулюй: ...

Как может виновник происшествия с такой невинностью задавать подобный вопрос?

«Что? Что он сказал? Я ничего не расслышал!»

«Они нарушают правила! Шепчутся под одеялом!»

Цзян Шулюй глубоко вдохнул. Ему было неловко — но больше всего он ощущал бешеное сердцебиение Тан Юэ.

Оно билось слишком быстро.

— Укусил комар, — спокойно ответил он.

Тан Юэ сначала кивнул, но через мгновение до него дошло:

— Да ладно?! Комар так не кусает...

Он всё больше краснел, и ответ уже зрел у него внутри.

Цзян Шулюй не спешил менять позу. Он просто протянул Тан Юэ его телефон и, улыбаясь, спросил:

— Ну так кто, по-твоему, этот маленький хулиган?

<http://bllate.org/book/16057/1438912>